

УДК 821(009)

РУССКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ И ФОРМА СУБЪЕКТНОСТИ

© Николай Фортунатов, Антон Фортунатов, Вера Фортунатова

THE RUSSIAN TRAVEL AS A NATIONAL MYTH AND A FORM OF SUBJECTNESS

Nikolay Fortunatov, Anton Fortunatov, Vera Fortunatova

The article explores the explicit meaning of the literary genre model “The Russian Travel” based on the works of Pushkin and Korolenko (developing the currently popular travelogue concept). The explicit form is extended, overtly and covertly expressed, it includes the author's deduction and induction, as well as the intensity of creative modality. Pushkin has this kind of self-knowledge and search for his own opportunities for creative work, Korolenko has a marked form of open social activism. A literary journey in its visual-figurative form places the author's worldview in juxtaposition to the reader's, who, if desired, can go the author's way to see everything with their own eyes. “The Travel” provides an occasion for mythologizing and removing it owing to perception and interpretation. This is most clearly shown by the national myth about Pushkin, embodying “black and white” genetics, as well as his novel “The Journey to Arzrum”. The combination of the work with everything that was written by the poet after this journey indicates the birth of further ideas and images, and serves as a laboratory material for Pushkin's creative process. The article points to the research opportunities opened by ontological and fractal poetics. Another provision of the present work is determined by the recursiveness of the “travel” form, which means its reproduction in the changed circumstances. Due to this, Pushkin and Korolenko, brought together by their search for truth and meaning, create a dynamic topology of the literary text, revealing both their creative productivity and the completeness of their social being. Here, the tradition reveals the degree of stability of the Russian literary process and shows the effectiveness of the scientifically-known for the emergence and development of the creative-new. Travelling “to Russia” becomes the basic area for national identity and for restoring systemic relations with literary classics.

Keywords: travel, ontology, mythologization, recursiveness, fractality, interaction, travelogue.

В статье рассматривается эксплицитный смысл литературно-жанровой модели «Русское путешествие» на примере Пушкина и Короленко (она развивает распространенную сегодня концепцию травелога). Протяженный, скрыто и открыто выраженный эксплицит этой формы включает в себя авторскую дедукцию и индукцию, а также выраженность творческой модальности. У Пушкина это вид самопознания, поиск своих возможностей для созидания, у Короленко – социально маркированная форма его открытой гражданской позиции. Литературное путешествие в наглядно-образном виде сталкивает мировоззрение художника и читателя, который при желании может также пройти путь автора, чтобы увидеть все своими глазами. «Путешествие» дает повод для мифологизации и снятия ее за счет восприятия и интерпретации. Это наглядно показывают национальный миф о Пушкине, воплотивший в себе «черную и белую» генетику, а также его повесть «Путешествие в Арзрум». Соединение произведения со всем, что было написано поэтом после этой поездки, указывает на рождение дальнейших замыслов и образов, служит лабораторным материалом пушкинского творческого процесса. В статье указывается на исследовательские возможности, которые открывают онтологическая и фрактальная поэтика. Еще одно положение данной работы продиктовано рекурсивностью формы «путешествия», означающей ее воспроизводство в изменившихся обстоятельствах. Благодаря этому Пушкин и Короленко, сближенные своими поисками истины и смысла, создают динамическую топологию литературного текста, раскрывающую не только их творческую продуктивность, но и полноту социального бытия. Традиция здесь выявляет степень устойчивости русского литературного процесса и показывает результативность научно-известного для появления и развития творчески-нового. Путешествие «в Россию» становится базовой областью для национального самосознания и восстановления системных отношений с литературной классикой.

Ключевые слова: путешествие, онтология, мифологизация, рекурсивность, фрактальность, взаимодействие, травелог.

Путешествие представляет собой испытанную литературную форму, в которой сталкиваются традиция и новизна, нарративный текст и лирическая проза, трансперсональный диалог и монологическое наблюдение. В современном литературоведении стало принято относить «путевые заметки», «дневники путешественника» и прочие сходные по форме и смыслу нарративы к жанру «травелог» [Майга, с. 256]. Однако, вероятно, в силу некоторой формальной привнесенности этого понятия в российское социокультурное пространство, жанр путешествия до сих пор не получил разработанной теории, на что постоянно указывают исследователи [Шадрина, с. 81], да и сам травелог вбирает сегодня в себя как «классические» литературные и публицистические зарисовки («нон-фикшн»), так и самые неожиданные документы – вплоть до «бортовых журналов» и путеводителей [Мартынюк, Лукинова, с. 264]. Именно поэтому этот многоаспектный феномен можно и нужно рассматривать с позиций интегрального подхода, открывающего новые смысловые сферы и возможности для аналитических интерпретаций [Уилбер]. Один из уже освоенных исследовательских маршрутов – путешествие «в миф», другой – «порождение мифологии» на основе увиденного, третий – «разоблачение мифов», сопровождающих странствующего героя. Открытием новейшего времени стал особый вид «интеллектуального» путешествия, где гидом для читателя предстает авторское воображение. Его специфической особенностью является разорванность времени и пространства, которые существуют «как бы» по отдельности, независимо друг от друга. Таково, например, «путешествие» Пушкина в Египет, которое рассматривает Н. Н. Петрунина в своем труде, обращаясь к его повести «Египетские ночи» [Петрунина].

В настоящее время есть несколько точек зрения на полисемию концепта «путешествие» в русской литературе, начиная с Пушкина. В работах К. Ю. Лаппо-Данилевского, Ст. Станждлера, В. Непомнящего, С. Кибальника, В. Турбина путешествие упоминается как компонент пушкинской структуры, сток ментальных смыслов, авторского самопознания [Карпов]. В данной статье путешествие рассматривается как «окно в мир», созданное гением русской прозы, помогающее преодолению закрытости, узости и провинциальности как репутационных характеристик русской литературы.

А. С. Пушкин стал не только странствующим во всемирном времени и российском пространстве «аэдом», но также, подобно Гомеру, сам послужил истоком многих мифов. Проблема современной реинтерпретации и деканонизации произведений классика особенно остро ставит вопрос о вневременной, смысловой связи его произведений с сознанием читателя XXI века [Vom abbrechenden Dialog mit den Klassikern zum Dialog unter den Klassikern].

Отечественная пушкинистика в жизненной и творческой судьбе поэта акцентировала два события, свидетелями которых он был, – 1812 и 1825 годы – и на их основе выстраивала его творческую эволюцию и особенности его мировосприятия. Однако при этом в стороне осталась черта, в высшей степени характерная для русской литературы. Великие и гениальные ее мастера часто были людьми не чисто русской крови: в Жуковском с русской смешалась турецкая кровь, в Герцене – немецкая, в Некрасове – польская. Пушкин, гений из гениев и «из перерусских русский», если воспользоваться его словами, обращенными к Фонвизину, и здесь оказался несравненным. Его прадед, Абрам Петрович Ганнибал, был негром, «арапом» Петра Великого, точнее говоря, секретарем русского императора, а дед, Иван Абрамович Ганнибал, офицер русского военного флота, прославил себя двумя великими победами в эпоху уже Екатерины II и строительством морской крепости Херсон. То была славная, но короткая родовая ветвь поэта: всего три поколения, но она была такова, что ему не приходилось ее стыдиться.

«Черное» и «белое» в таком случае – это концепт, который может служить условным определением, имеющим в виду происхождение Пушкина и его активную реакцию, которая проявлялась всякий раз, когда он обращался к этой теме. Второй мотив, столь же настойчиво проявляющийся у Пушкина, – тщательное исследование им своей родословной: это целый свод рукописей и публикаций, где он выступает аналитиком исторических свидетельств, документов и семейных преданий. Третий исток побуждения – творческий процесс, в котором реальность (или предполагаемая реальность) событий переопределяется в вымысел: в сюжет, в характеры, в создание авторской фантазии. В стихотворении «Юрьеву» (1820) вслед за портретом красавца-офицера в качестве контраста поэт дает собственное изображение:

А я, повеса вечно-праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте <...> [Пушкин, т. 2, с. 12].

В другом стихотворном экспромте (1828), где речь идет о наброске портрета Пушкина, сделанном известным английским художником Джорджем Доу, вновь возникает противопоставление его лица истинной красоте.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель [Пушкин, т. 3, с. 101].

А вот и сам поэт, или скорее образ автора, в первой же главе (строфа L) «Евгения Онегина» (1825): происходит парадоксальная инверсия смыслов: он, русский, думает о России под небом родной ему Африки.

<...> среди полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вздыхать о сумрачной России <...> [Пушкин, т. 7, с. 26] (курсив наш – Н. Ф., А. Ф., В. Ф.).

Путешествие «вглубь себя» не определяется понятиями «тема», «концепт», «жанр». Оно относится к фрактальному самопознанию [Желтова, с. 880], которое можно определить как диалектику отношений, где противоположности вступают в конфликтные отношения друг с другом, но и не существуют одно без другого, представляя собой нерасторжимую целостность. Такой подход дает возможность объединить методики двух типов поэтики: онтологической, где авторская личность во всей своей полноте отражается в тексте, и фрактальной, рассматривающей часть как свойство целого.

«Внутреннее путешествие у Пушкина сопровождается также „путешествием вовне“, порождающем полифоническую разноголосицу и одновременно созвучие мотивов странствующих героев, среди которых его собственный голос звучит наиболее выразительно. Такие темы могут иметь самые различные метафорические воплощения: карета, кибитка, коляска, дорога, возница, тоска одиночества или мечты о доме и т. п. Однако речь в таких случаях идет не столько о повторяющихся зрительных образах, сколько о восприятии автором своего путешествия как вида его собственного самобытия, как акта его творчества и жизненной энергии. Об этом двадцатидвухлетний юноша так ярко заявил в „Телеге жизни“, где само „время гонит лошадей“» [Пушкин, т. 2, с. 273]. В этом смысле, если вписывать это произведение в жанровый контекст

травелога, возникает важнейшая характеристика любого связанного с этим жанром нарратива: динамика жизни становится важнейшим смыслообразующим элементом повествования.

Так, еще раньше у четырнадцатилетнего подростка появляется иносказательный образ пути, когда он, как заклинание, повторяет:

Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка [Пушкин, т. 1, с. 93].

А затем, уже в духе толкования самобытности, возникает новая идея путешествия, обнаруживающая национальную идентичность как силу внутренних возможностей, к которым поэт причастен по факту своего рождения («Зимняя дорога», 1826). Спустя восемь лет после этого поэтического шедевра сходная мысль повторится в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834–1835). Здесь он рекурсивную форму путешествия определяет соотношением русского национально-го сознания с другим сознанием: «никогда не заметите в нем ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому» [Пушкин, т. 5, с. 169].

Отдельного внимания требует к себе проблема диалогического мышления в жанре путешествия, сочетающего «первоначальное единство бытия» героя и проявление «отношения-общения», то есть возникновение «бытия-между» [Гиршман, с. 454]. Динамизм путешествия, следуя логике признанных диалогистов (Михаила Бахтина, Мартина Бубера, Михаила Гиршмана) порождает особые структурные отношения, одновременно сходные и противоположные, конкретизирующие определенную ситуацию и отраженную во множестве других. Таково «Путешествие в Арзрум», над которым Пушкин работал практически семь лет! Это были годы, когда сразу же после возвращения появились «Бесы» и в ту же Болдинскую осень 1830 года ряд новелл «Повестей Белкина» («Гробовщик», «Станционный смотритель», «Выстрел», «Метель»); «Каменный гость»; в начале 1833 года он примется за роман, вскоре выросший в «Капитанскую дочку». «Путешествие в Арзрум», таким образом, стало импульсом, из которого возник целый свод произведений, разрабатывающих драматический мотив «динамизма тревоги».

Признание Пушкина, что участие в Арзрумском походе было продиктовано «желанием видеть войну и сторону малоизвестную» [Пушкин, т. 4, с. 17], прямо указывало на творческий аспект этой опасной затеи, которая могла стоить автору головы, когда он, очутившись в боевых

порядках русских передовых отрядов, во время стычек рвался вперед схватиться «с турком». Между тем пресса сразу же пыталась навязать ему сначала свои задачи, требуя от него прославления русского оружия, а более поздняя пушкинистика выдвинула уже свои. Например, Ю. Тынянов обнаружил в его записках сатиру на графа Паскевича, командующего русской армией. Притом и те, и другие прошли мимо действительно реальных персонифицированных полюсов мышления писателя с его способностью воспроизводить себя в разных образных воплощениях и в разных текстах.

Одним из самых сильных впечатлений во время путешествия было его столкновение с чумой. Он попал в Арзрум, когда только еще появились известия о ней. Первое потрясение было вызвано неожиданным и случайным происшествием, встречей с нищим, который в базарной толпе тронул его за плечо, прося милостыню: «Я оглянулся: за мною стоял ужасный нищий. Он был бледен, как смерть; из красных загноенных глаз его текли слезы. Мысль о чуме опять мелькнула в моем воображении. Я оттолкнул нищего с чувством отвращения неизъяснимого» [Пушкин, т. 4, с. 386–387].

Но затем, вопреки ужасам чумы, он отправляется в лагерь «зачумленных», чтобы самому увидеть их и испытать ощущения от непосредственного общения с ними! Этот воплощенный в путевых заметках образ чувства будет использован им позднее в стихотворении «Герой» (1830), где поэт на основе пережитого им воссоздает известный эпизод посещения Наполеоном больных в чумном бараке:

<...> ходит меж одрами

И хладно руку жмет чуме <...> [Пушкин, т. 2, с. 117].

В том же году в Болдино появляется «Пир во время чумы»; маленькая трагедия несет в себе не только фатальный страх смерти, пережитый когда-то, но и непосредственно испытанное поэтом чувство опасности. Удержанное памятью со времен опасного похода, оно передано в состоянии высшего духовного порыва, воплощенного в поэтическом образе-обобщении. Но для того, чтобы создать такой образ, нужно было все пережить в своей душе так, как пережил и испытал автор сам во время своего рискованного странствия. Как образно пишет современная исследовательница творчества Пушкина О. Б. Лебедева, в связи с художественными переплетениями первой редакции «Клеопатры» и творческой истории «Бахчисарайского фонтана», «поэтическая

эмоция переплавляет» достоверную реальность «на огне творческого воображения в как бы «исторический» сюжет, не уступающий, однако, реальному факту по силе психологической убедительности» [Лебедева, с. 85].

Еще один пример творческой ассимиляции путевых впечатлений. В главе третьей «Путешествия» автором упомянут обезглавленный и искалеченный турками труп казака, который он видел после одной из стычек [Пушкин, т. 4, с. 374]. В «Капитанской дочке» близкая подробность будет использована дважды: в главе VII («Приступ») – отрубленная голова Юлая, верною присяге крещеного калмыка, насаженная на пику, перебрасывается пугачевцами через частокол в крепость; в финале палач торжествующе поднимает вверх отрубленную и окровавленную голову самого Пугачева.

Арзрумское путешествие представляет не одни лишь путевые зарисовки. В них высказываются художественные увлечения автора: упоминания Гете, Декарта, Рембрандта, Сальватора Розы, мифологических героев, русских писателей. Очерк-воспоминание о Грибоедове при встрече с его гробом по дороге в Грузию вырастает в аналитическую характеристику личности русского дипломата и в культурологическую персонологию, бедную, как замечает Пушкин, не только из-за скудости наших знаний, но и ограниченности усилий познать истинно великого человека.

Масштаб философского мышления поэта проявляется в тонкости и глубине отдельных его замечаний, появляющихся не в виде сухих постулатов, а с помощью отточенных художественных формул, ироничных и остроумных. «Люди верят только славе, – пишет Пушкин, завершая раздумье о Грибоедове, – и не понимают, что между ними может находиться какой-нибудь Наполеон, не предводительствовавший ни одною егерскою ротой, или другой Декарт, не напечатанный ни одной строчки в „Московском Телеграфе“...» [Пушкин, т. 2, с. 369].

Известно, что «познание объекта по существу есть форма воздействия на объект» [Хроленко, с. 29]. Однако интеллектуальные путешествия Пушкина располагают и дополнительными возможностями, обусловленными особенностями воплощения авторской идеи. Если «Путешествие в Арзрум» имеет линейный уровень структуры, пространственно-хронологически обусловленный, то краткая заметка «Путешествие В. Л. П.» представляет собой структурный параллелизм, вызванный небольшой шутилкой поэмой «Путешествие NN в Париж и в Лондон» И. И. Дмитриева по поводу поездки Василия Львовича Пуш-

кина». В короткой рецензии племянник-поэт истолковывает ее как «образец игривой легкости и шутки живой и незлобивой», где веселые забавы ума, драгоценная искренность – свойства, необходимые поэту, с восторгом отправляющемуся в иноземное странствие.

Такой же композиционный параллелизм скрыт в упоминании записок А. Н. Муравьева «Путешествие к св. местам». В рецензии Пушкина на эту книгу также был выделен мотив побуждения к путешествию и некоторые кульминационные подробности трудного пути. О «противоходном» структурном построении упомянувшегося выше «Путешествия из Москвы в Петербург» говорит само заглавие, основанное на парафразе книги А. Н. Радищева. Здесь уже таится авторская полемика, выраженная в несходстве общих впечатлений и идей, а сама статья выглядит не столько как видеоряд, сколько как сбор доказательств в пользу критики утверждений Радищева.

Итак, путешествие под пером Пушкина предстает как концептуальная модель, в которой одновременно осуществлены документализм (увиденное «своими глазами») и принцип динамического расширения реальности за счет семиосферы странствия.

На рубеже XIX–XX веков в русской литературе сложится ситуация, напоминающая опыт «малых голландцев», которым в искусствоведении определяют новое мироощущение голландского народа XVII века, выразившееся в появлении живописных сюжетов с их пристальным вниманием к миру предметности. Сходная «модель мира» в литературном познании, но со смещением на человека в качестве объекта и субъекта исторического развития России, воплощает в себе специфические черты новых отечественных «путешественников». Как отмечает Йосеф Догнал, резко усиливается роль индивида; он делается в «полной мере ответственным за свое бытие» [Там же, с. 57]. Сопоставление жанра путевых заметок этой поры с эпохой рубежа XIX–XX веков дает возможность уточнить некоторые положения по поводу мифа о «разрыве традиций» в литературе XX века.

Экзистенция Пушкина, проявляющаяся в удивительном свойстве гения скреплять в единую, комплексную картину линейные, дорожные впечатления, своеобразно проявляет себя уже в традициях русской публицистики XX века. Так, выдающийся мастер путевого очерка В. Г. Короленко демонстрирует по-своему как раз те приемы, к которым прибегал Пушкин. В его путевых очерках смешиваются грани вымысла и реальности, уходы в историю и художественные аллю-

зии; журналист и неутомимый путешественник по родному краю (с котомкой за плечами пешком, на лодке, на волжском могучем пароходе или на пароходике, который чалится прямо за ветки, спускающиеся к воде; на простой крестьянской телеге, осиливающей русское бездорожье; писатель и художник, оставивший множество свидетельств о своих странствиях в виде зарисовок с натуры); аналитик классической и современной литературы; экономист и правозащитник – таковы его амплуа.

Вот почему динамика жизни, обретающая осмысленность и одушевленность, по своему проявляется «Павловских очерках» (1890) о возникновении со сказочных времен – со сказки о рождении первого завода – кустарных промыслов и их гибели; путевых очерках «В пустынных местах» (1891), посвященных уходящей старой религиозной вере; «В голодный год» (1892) о бедственном положении крестьян Лукояновского уезда, их прошлом и ужасном настоящем (голодный тиф, крыши, содранные на корм скоту, целые деревни, зараженные сифилисом, когда в смрадной избе ютится семья рядом с разлагающимся на полу трупом). И в тех же путевых очерках находим исследования древних исторических преданий, фольклорных источников; этнографические подробности жизни конкретных мест и документальные свидетельства; множество литературных реминисценций: из П. Д. Боборыкина, П. И. Мельникова (Андрея Печерского), устных преданий, летописных источников.

Принципы создания путевых заметок дают возможность решить споры, относящиеся к литературе XX столетия. Максим Горький, авторитет которого в советской литературной науке считался непререкаемым, определил популярное в свое время произведение Короленко «Река играет» как рассказ, к тому же представив образ центрального героя в нем (Тюлина) в виде олицетворения вечного похмелья русского человека, лишь изредка принимающегося за дело. Но «Река играет» – типичные путевые заметки о возвращении автора из поездки к Светлояру в Нижний Новгород с переправой через небольшую речку Ветлугу. Там есть все отмеченные нами выше приемы путевого интеллектуального очерка. Версия Горького – всего лишь один из примеров крайней экспансии, каких было немало в эпоху советской литературной науки, когда выдвигались положения, лишенные какой бы то ни было аргументации, а субъективные выводы предлагались в качестве абсолютной истины, не требующей доказательств [Фортунатов]. При этом такая трактовка чрезвычайно красноречива: экзистенция здесь вдыхает новые смыслы, новые краски

и аллюзии, далеко выходящие за пределы хладнокровно-линейного бытописания. В этой связи весьма точно подчеркивает В. Н. Крылов: «В. Г. Короленко в очерке «В Америку» сравнивал путешествующего с птицей» [Крылов, 2016, с. 384], тем самым имплицитно подчеркивая «неприземленность», одухотворенность такого человека. Исследователь характеризует поэтологические черты короленковских впечатлений от поездок – диалоговость, опыт «чужого мира» и др., которые затем станут векторами развития прозы путешествий уже в наши дни [Крылов, 2015].

То, что демонстрируют путевые очерки Короленко, по-своему повторяется и в его публицистических статьях, например, посвященных «путешествию» в Дворянский Александровский нижегородский банк, связанный с хищениями: это необходимые – долгие и тщательные – «странствия» по документам, чтобы выяснить истину, сознательно запутываемую, но одновременно и по вполне конкретным местам, связанным с уголовными преступлениями. Короленко стремился найти человеческое, гуманитарное измерение плодам «бухгалтерского остроумия», как он образно характеризовал административные, финансовые и юридические мошеннические ухищрения банка.

Социально-организующая сила подобных поисков позволяет считать «путешествие» литературной подсистемой общественной культуры, связующей художественное творчество и насущные потребности развития России [Закс, с. 10].

Список литературы

Гиршман М. М. Литературное произведение. Теория художественной целостности. М.: Языки славянских культур, 2007. 560 с.

Догнал И. Русская «малая проза» рубежа XIX–XX веков в контексте изучения европейских моделей мира. Пер. с чешск. Нижний Новгород: ННГУ, 2014. 184 с.

Желтова Н. Ю. Поэтика русского национального характера (Теоретический аспект) // Вестник Тамбовского государственного технического ун-та. Вып. 3. Т. 10. 2004. С. 875–882.

Закс Л. А. Общество для творчества: социально-организующая культура как основание креативности // Третий Российский культурологический конгресс с международным участием «Креативность в пространстве традиции и инновации»: Тезисы докладов и сообщений. СПб.: ЭЙДОС, 2010. 556 с.

Карпов Д. Л. Традиции пушкинской прозы и русские романы середины 1840-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 196 с.

Крылов В. Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В. Г. Короленко // Ученые

записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Том 157, кн. 2. С. 374–402.

Крылов В. Н. Поэтика народнического травелога конца XIX века (путевые очерки Ф. Д. Нефедова) // Русский травелог XVI–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы: коллективная монография. Новосибирск: изд-во НГПУ, 2016. С. 374–404.

Лебедева О. Б. Образ Неаполя в творческом сознании А. С. Пушкина (цикл статей). Статья IV. Мифопоэтика пушкинской неаполитаны: легенда о Королеве Иоанне в русской словесности первой половины XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 2 (18). 2012. С. 82–105.

Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. № 3 (37). С. 254–259.

Мартынюк Е. Б., Лукинова М. Ю. К вопросу об определении термина «травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы I всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 27–29 апреля 2017 г. / гл. ред. М. В. Норец. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2017. С. 261–266.

Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л.: Наука, 1987. 332 с.

Пушкин А. Полное собрание сочинений в 19 т. М.: Воскресенье, 1994–1997.

Уилбер К. Теория всего: Интегральный подход к бизнесу, политике, науке и духовности. М.: Рипол-Классик, 2017. 288 с.

Фортунатов А. Н. Нижегородские путевые очерки В. Г. Короленко (проблемы мастерства писателя-очеркиста): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1998. 208 с.

Хроленко А. Т. Введение в филологию. М.: ФЛИНТА:Наука, 2017. 252 с.

Шадрин М. Г. Эволюция «языка» путешествий: дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 394 с.

Freise M., Fortunatov A. N., Fortunatov N. M., Fortunatova V. A. Vom abbrechenden Dialog mit den Klassikern zum Dialog unter den Klassikern. Goethe und Puškin. In: Poetica 46 (2014), Heft 3–4. S. 331–357.

References

Dognal, I. (2014). *Russkaia "malaia proza" rubezha XIX–XX vekov v kontekste izuchenii evropeiskikh modelei mira* [Russian "Small Prose" at the Turn of the 19th and 20th Centuries in the Context of Studying European Models of the World]. Per. s cheshsk. 184 p. Nizhnii Novgorod, NNGU. (In Russian)

Fortunatov, A. N. (1998). *Nizhegorodskie putevye ocherki V. G. Korolenko (problemy masterstva pisatel'no-ocherkista): dis. ... kand. filol. nauk* [Nizhniy Novgorod Travel Sketches by V. G. Korolenko (Issues of Mastery of the Essay Writer): Ph.D. Thesis]. Nizhnii Novgorod, 208 p. (In Russian)

Freise, M., Fortunatov, A. N., Fortunatov, N. M., Fortunatova, V. A. (2014). *Vom abbrechenden Dialog mit den Klassikern zum Dialog unter den Klassikern. Goethe und Puškin* [From the Disruptive Dialogue with the Classics to the Dialogue among the Classics. Goethe and

Pushkin]. In: Poetica 46 Heft 3–4. Pp. 331–357. (In German)

Girshman, M. M. (2007). *Literaturnoe proizvedenie. Teoriia khudozhestvennoi tselostnosti* [A Literary Work. Theory of Artistic Integrity]. 560 p. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian)

Karpov, D. L. (2010). *Traditsii pushkinskoi prozy i russkie romany serediny 1840-kh gg.: dis. ... kand. filol. nauk* [Traditions of Pushkin's Prose and Russian Novels of the Mid-1840s: Ph.D. Thesis]. Iaroslavl', 196 p. (In Russian)

Khrolenko, A. T. (2017). *Vvedenie v filologiiu* [Foundations of Philology]. 252 p. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)

Krylov, V. N. (2015). "Dialog svoego" i "chuzhogo" v amerikanskikh vpechatleniakh V. G. Korolenko [Dialogue between the Native and the Foreign in the American Impressions of V. G. Korolenko]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tom 157, kn. 2, pp. 374–402. (In Russian)

Krylov, V. N. (2016). *Poetika narodnicheskogo traveloga kontsa XIX veka (putevye ocherki F. D. Nefedova)* [Poetics of the Narodnik Travelogue in the Late 19th Century (Travel Notes by F. D. Nefedov)]. Russkii travelog XVI–XX vekov: marshruty, toposy, zhanry i narrativy: kollektivnaia monografiia. Pp. 374–404. Novosibirsk, izd-vo NGPU. (In Russian)

Lebedeva, O. B. (2012). *Obraz Neapolia v tvorcheskom soznanii A. S. Pushkina (tsikl statei)* [The Image of Naples in the Creative Mind of A. S. Pushkin (Series of Articles)]. Stat'ia IV. Mifopoetika pushkinskoi neapolitany: legenda o Koroleve Ioanne v russkoi slovesnosti pervoi poloviny XIX v. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. No. 2 (18), pp. 82–105. (In Russian)

Maiga, A. A. (2014). *Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra* [Literary Travelogue: Genre Peculiarities]. Filolo-

giia i kul'tura. Philology and culture. No. 3 (37), pp. 254–259. (In Russian)

Martyniuk, E. B., Lukinova M. Iu. (2017). *K voprosu ob opredelenii termina "travelog"* [On the Definition of the Term "Travelogue"]. Perevodcheskii diskurs: mezhdistsiplinarnyi podkhod: materialy I vsrossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Simferopol', 27–29 apreliia 2017 g. Gl. red. M. V. Norets. Pp. 261–266. Simferopol', IT ARIAL. (In Russian)

Petrulina, N. N. (1987). *Proza Pushkina* [Pushkin's Prose]. 332 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Pushkin, A. (1994–1997). *Polnoe sobranie sochinenii v 19 t.* [Complete Collection of Works in 19 Volumes]. Moscow, Voskresen'e. (In Russian)

Shadrina, M. G. (2003). *Evolutsiia "iazyka putesthestviu": dis. ... dokt. filol. nauk* [Evolution of the Travel Language: Ph.D. Thesis]. Moscow, 394 p. (In Russian)

Uilber, K. (2017). *Teoriia vsego: Integral'nyi podkhod k biznesu, politike, nauke i dukhovnosti* [Theory of Everything: The Integrated Approach to Business, Politics, Science and Spirituality]. 288 p. Moscow, Ripol-Klassik. (In Russian)

Zaks, L. A. (2010). *Obshchestvo dlia tvorchestva: sotsial'no-organizuiushchaia kul'tura kak osnovanie kreativnosti* [Society for Creativity: Socially-Organizing Culture as the Basis of Creativity]. Tretii Rossiiskii kul'turologicheskii kongress s mezhdunarodnym uchastiem "Kreativnost' v prostranstve traditsii i innovatsii": Tezisy dokladov i soobshchenii. 556 p. St. Petersburg, EIDOS. (In Russian)

Zheltova, N. Iu. (2004). *Poetika russkogo natsional'nogo kharaktera (Teoreticheskii aspekt)* [Poetics of the Russian National Character (Theoretical Aspect)]. Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo un-ta. Vyp. 3. T. 10, pp. 875–882. (In Russian)

The article was submitted on 30.11.2018

Поступила в редакцию 30.11.2018

Фортунатов Николай Михайлович,

доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский научно-исследовательский университет,
603950, Россия, Нижний Новгород,
Проспект Гагарина, 23.
nmfort@mail.ru

Фортунатов Антон Николаевич,

доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский научно-исследовательский университет,
603950, Россия, Нижний Новгород,
Проспект Гагарина, 23.
anfort1@yandex.ru

Fortunatov Nikolay Mikhailovich,

Doctor of Philology,
Professor,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Prospect,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
nmfort@mail.ru

Fortunatov Anton Nikolaevich,

Doctor of Philology,
Professor,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Prospect,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
anfort1@yandex.ru

Фортунова Вера Алексеевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Нижегородский научно-исследовательский
университет,
603950, Россия, Нижний Новгород,
Проспект Гагарина, 23.
fortunatova2@mail.ru

Fortunatova Vera Alekseevna,
Doctor of Philology,
Professor,
N. I. Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod,
23 Gagarin Prospect,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation.
fortunatova2@mail.ru